В Д РАК

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ СБОРНИКА И. В. НОВИКОВА «ПОХОЖДЕНИЕ ИВАНА ГОСТИНОГО СЫНА, И ДРУГИЕ ПОВЕСТИ И СКАЗКИ»

В последнее время существенно продвинулось изучение одного из любопытных произведений низовой литературы XVIII века — сборника И В Новикова «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки» (Ч 1–2 СПб , 1785–1786) Еще совсем недавно, переиздавая несколько рассказов из него, пришлось констатировать, что об их авторе «только и известно, что звали его Иваном Новиковым и что умер он, вероятно, до 1808 года, когда невыкупленный остаток тиража его книги был продан Петербургским Академическим комитетом на вес» [1] Столь же пессимистичным был и появившийся несколькими годами позже комментарий в антологии русского святочного рассказа «Сведений об авторе установить не удалось Обычно в истории русской литературы XVIII в он фигурирует лишь как автор вышеназванной, впрочем, довольно популярной вплоть до середины XIX в , книги» [2] Ныне известно отчество Новикова и основные вехи его служебной карьеры,[3] и хотя в его биографии еще многое остается скрытым (в частности, такие важные для его литературного труда моменты, как полученное им образование и особенно знание иностранных языков), имеющиеся сведения дают надежду со временем восполнить хотя бы частично посредством дальнейших архивных разыска ний сохраняющиеся в ней «пустоты» Выявлен печатный источник девяти рассказов и одной вставки в собственную «повесть» Новикова [4] Польская исследовательница Э Малэк, плодотворно изучающая русское «неполезное чтение» эпохи Просвещения, нашла рукописные источники нескольких рассказов, в том числе «О крестьянине Странжиле, обманувшем господина и избавившем себя от побой» (ч 2, № 2), а также и параллели [5]

---

[1] *Повести разумные и замысловатые Популярная бытовая проза* XVIII века / Сост, автор вступ ст и примеч С Ю Баранов М , 1989 С 16

[2] Чудо рождественской ночи Святочные рассказы / Сост, вступ ст и примеч Е Душечкинои и Х Барана СПб , 1993 С 656

[3] Словарь русских писателей XVIII века СПб , 1999 Вып 2 (К–П) С 359–361

[4] XVIII век СПб , 1995 Сб 19 С 216–217

[5] *Małek E* О некоторых источниках «Похождений Ивана гостиного сына» Ивана Новикова (К проблеме взаимодействия рукописной и печатной книги в России второй половины XVIII века) // Zeszyty Naukowe Wyzszej Szkoly Pedagogicznej w Bydgoszczy Studia

© В Д Рак, 2002

Продолжалось сопоставление повести «Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным», с ее давно установленным источником — «Повестью о Фроле Скобееве» [6] В обобщающей монографии А Варды, ученицы Э Малэк, сборник Новикова рассмотрен в его связях с разными жанровыми, сюжетными, стилистическими и пр традициями и современными ему новыми тенденциями [7] В результате на том белом пятне, которое в истории массовой литературы XVIII века обозначалось ничего не говорящими именем и фамилией Иван Новиков, стали проступать контуры реального человека и творческой личности, обладающей, говоря словами одной из названных выше работ, необходимыми для литературного труда знаниями, писательскими способностями и авторской индивидуальностью [8]

Эта характеристика Новикова сложилась на основе анализа одной повести («Новгородских девушек святочный вечер») и потому в едва начавшем угадываться его творческом портрете поддерживается лишь несколькими еще только наметившимися штрихами Для того чтобы проявившийся контур наполнился не расплывчатыми, теряющимися, а хорошо различимыми чертами необходимо выяснить многое

1) Должны быть продолжены поиски документов, содержащих биографические сведения о Новикове Вероятнее всего их обнаружить в РГАДА и (*или*) РГВИА

2) Следует далее выявлять и накапливать параллельные входящим в сборник рассказам сюжеты, мотивы, ситуации и пр , а также их постоянные и варьирующиеся комбинации с целью постепенного определения с максимально возможным приближением круга чтения и объема литературной эрудиции Новикова Особенно важно провести эту работу применительно к рассказам, которые производят впечатление сочиненных им самим («Похождение Ивана гостиного сына», «Приключение вора пономарева сына», «Похождение названого брата Ивана купецкого сына») по образцу знакомых ему произведений «плутовского» жанра

3) Основной задачей, которой должны служить и специально предпринимаемые разыскания, и сведения, накапливаемые при разработке предыдущего пункта, нужно считать установление литературного источника (или источников) каждого рассказа Новикова, понимая под этим термином находившийся в его пользовании определенный печатный (конкретное издание либо, при невозможности на него выйти, какое-то из текстуально идентичных изданий) или рукописный (вариант, извод, редакция) текст произведения

Filologiczne, 1983 Bydgoszcz, 1985 Z 18 S 115–124, *Малэк Э* Источники и литературная история «Повести об Аквитане» // ТОДРЛ Л , 1990 Т 43 С 101–113

[6] *Душечкина Е В* Стилистика русской бытовой повести XVII века (Повесть о Фроле Скобееве) Учебный материал по древнерусской литературе Таллин, 1986 С 67–72, *Староста А* «Повесть о Фроле Скобееве» в обработке Ивана Новикова // Studia z literatury rosyjskiej i radzieckiej Łódz, 1989 P 13–22 (Acta Universitatis Lodziensis Folia literaria T 25)

[7] *Warda A* «Przypadki Iwana, syna kupieckiego» Iwana Nowikowa Analiza monograficzna na tle kultury literackiej rosyjskiego Oswiecenia Łodź, 1996

[8] *Староста А* Указ соч С 22

4) Обязательным должно быть детальное сопоставление текста Новикова с его несомненным или предполагаемым источником, что позволит отделить механические и маскируемые немудреными приемами сокрытия плагиата заимствования компилятора, ограничившегося простым переписыванием и комбинированием чужого, от того, что было им в какой-нибудь степени переработано или явилось плодом его собственного творчества Сопоставление должно производиться снизу вверх, начиная с лексики, фразы, предложения, периода, абзаца и далее поднимаясь к образам, сюжетам, идеям и пр., но не в обратном направлении, когда «низшие» уровни рискуют остаться необследованными и в поле зрения исследователей не попадут некоторые очень интересные и существенные особенности новиковских версий произведений, бытовавших в рукописной и печатной литературе Эти особенности таковы, что при должном их осмыслении могут значительно скорректировать устоявшиеся представления о связях сборника Новикова с рукописной традицией

Рассмотрим в качестве примеров несколько «повестей и сказок», в отношении которых уже накопился запас наблюдений и рельефно (хотя еще далеко не полностью) обозначился круг вопросов и задач, связанных с поиском источников Новикова и анатомированием его компиляторской манеры и техники.

Прослеживая связи Новикова с рукописной литературой, Э Малэк и А Варда опираются, в частности, на хранящийся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки сборник прозаических фацеций и новелл «Примеры и жарты» (Погодин 1777), являющийся одним из списков переведенного, согласно выводам В. П Адриановой-Перетц, с немецкого языка не позднее 1740-х годов и получившего в России достаточно широкое распространение сборника светских рассказов.[9] Среди «повестей и сказок, принадлежащих к „Похождению Ивана гостиного сына“», польские исследовательницы выявили двенадцать совпадающих по сюжету с этим сводом забавных историй.[10] С добавлением еще трех, ими не отмеченных, общее число составляет пятнадцать. Ниже в перечне первы-

---

[9] См *Адрианова-Перетц В П* 1) Западноевропейская городская новелла в русской рукописнои литературе XVIII в // Русско-европейские литературные связи М , Л , 1966 С 13–18, 2) Новеллистические сюжеты в фольклоре и русской литературе XVIII века // Русская литература XVIII века и ее международные связи Л , 1975 С 12–17 (XVIII век Сб 10)

[10] *Малэк Э* Источники и литературная история «Повести об Аквитане» С 105, Опыт указателя сюжетов С 71, 105, 147, 149, Указатель сюжетов Т 1 С 92, 93, 134, 288, *Warda A* Op cit P 82–83 Указанная А Вардой как содержащаяся в сборнике «Примеры и жарты» под № 29 фацеция «О лукавом нищем», представляющая, по утверждению исследовательницы, параллель одноименному рассказу Новикова, там отсутствует, под этим номером числится фацеция «О цыгане» (л 12 об –13 об) на другои сюжет Однако в следующем за «Примерами и жартами» сборнике «Увеселительные жарты» параллель этому рассказу Новикова составляет стихотворная фацеция «О втором нищем» (л 128 об –130), отмеченная как таковая Э Малек в другой рукописи (Опыт указателя сюжетов С 111–112), а также содержащаяся под заглавием «О притворном нищем» в рукописном сборнике Василия Бунина «Разные куриозности» (1789) (ИРЛИ, колл В Н Перетца, № 404, л 31 об — 2 об) В «Опыте указателя сюжетов» (с 81) ошибочно объединены как имеющие общий сюжет рассказ «О кривом и изменившей жене его», заимствованный Новиковым (Ч 1 № 13) из журнала «Доброе намерение», и рассказ из сборника Погодина «О кривом» (№ 69)

ми приводятся названия рассказов у Новикова и параллельно, после знака ||, их соответствия в рукописном сборнике:

Ч. 1. № 21. О ложном Месияте, хотевшем жидов провесть по морю во Иерусалим и реку Сабат || № 194. О жиде (л. 101 об.–102).

Ч. 2. № 6. О бароне, жившем недалеко от Парижа, и его супруге || № 135. О бороне (л. 64–65 об.).

Ч. 2. № 7. О Сципионе, римском полководце, поступившем правосудно при осаде города Афин || № 192. О учителе (л. 99 об.–100 об.).

Ч. 2. № 9. О золотаре и податливой жене его || № 146. О золотаре (л. 73 об.–74).

Ч. 2. № 12. О гелозайском принце, венчанном после родителей на царство в младых летах || № 183. О младом короле (л. 91 об.– 93 об.).

Ч. 2. № 13. О деревенском мужике, шедшем к господину с оброчными деньгами, и о встретившем его драбанте || № 59. О мужике (л. 25 об.).

Ч. 2. № 14. О дворянине и о портном, сшившем ему платье || № 181. О портном (л. 89 об.).

Ч. 2. № 18. О студенте и жившей у него кухарке || № 86. О студентах (л. 37 об.).

Ч. 2. № 19. О лукавом нищем || Сб. «Увеселительные жарты». О втором нищем (л. 128 об.–130).

Ч. 2. № 20. О гишпанском солдате и Езуите || № 47. О солдате (л. 20 об.–21).

Ч. 2. № 21. О женщине, усыпающей своих детей || № 226. О пьяной бабе (л. 125–125 об.).

Ч. 2. № 22. О шуте, бывшем у персидского шаха || № 93. О дураке (л. 41 об.–42 об.).

Ч. 2. № 24. О четырех науках, употребляемых у магометан || № 197. О министерском сыне (л. 104–105 об.).

Ч. 2. № 26. О дворянине, женившемся на подобной невесте || № 70. О дворянине (л. 29 об.–30).

Ч. 2. № 27. О женившемся помещике и о тороватой жене || № 72. О женихе и невесте (л. 30–31 об.).

Четыре рассказа (Ч. 2. № 13, 14, 21, 22) Э. Малэк возводит непосредственно к текстам сборника Погодина, отмечая, что они «почти дословно» совпадают с их рукописными оригиналами»,[11] но допуская при том вполне правомерно, что Новиков мог пользоваться каким-то другим, ей не известным списком.[12] Ранее исследовательница говорила, что в трех из этих рассказов (опущен № 13) «писатель почти буквально следует за рукописным текстом», и это утверждение иллюстрировалось фацецией о портном, заимствуя которую «Новиков сохраняет почти без изменений не только сюжет, но и словесное оформление анекдота», изменяемое им, однако, в тех случаях, когда это подсказано исходным текстом (синонимические замены во избежание повторения слов, уточняющие дополнительные определения, замещение общих понятий более конкретны-

[11] *Малэк Э.* Источники и литературная история «Повести об Аквитане». С. 105.

[12] *Malek E.* О некоторых источниках «Похождений Ивана гостиного сына». С. 123 (примеч. 11).

ми).[13] А. Варда выделяет эти четыре рассказа в группу «незначительно отличающихся от своих прототипов».[14]

Можно ли говорить о *буквальном* или *дословном* воспроизведении заимствуемого текста, если в него вносятся изменения, а при положительном ответе на этот вопрос, какова мера и допустимый характер отступлений, которые позволяли бы признавать их *незначительными*? Когда идет речь об установлении оригиналов и источников нарративных произведений мелких жанров (жарты, фацеции, анекдоты и т. п.), имеющих длительную и запутанную историю распространения, расплывчатость ключевых определений, наблюдаемая в приведенных выше характеристиках, может стать немалою помехою, и поэтому важно договориться предварительно о содержании употребляемых понятий.

Буквальным воспроизведением исходного текста предлагается считать следование ему слово в слово, без каких-либо изменений. Подобные *буквальные* заимствования встречаются в рассказах, взятых Новиковым из журнала «Доброе намерение», но существуют лишь в виде небольших фрагментов, продолжение которых эту «чистоту» так или иначе разрушает.

О правосудии, которое самым делом с строгостию исполнять должно / Из аглинского журнала	*О правосудном султане, наказавшем подданного за обругание крестьянской жены*
Султан желая удовольствовать любопытство своего хозяина, ответствовал ему на сие следующими словами: «Услышавши я о сем беззаконии непременно думал, что оно учинено чрез моего сына, в котором я знал к сему великую склонность, и для того я погасить велел факелы, чтоб не увидеть мне его лица, дабы я чрез то позабыть мог, что я его родил и он мой сын, а позабыв сие и не видя его, позабыл бы и любовь родительскую к чадам и воздал бы ему достойное наказание за таковое его преступление. (ДН. Июнь. С. 277–278).	Султан, желая удовольствовать любопытство своего хозяина, ответствовал ему на сие следующими словами: услышавши я о сем беззаконии, непременно думал, что оно учинено чрез моего сына, в котором я знал к сему великую склонность, и для того я погасить велел факелы, чтоб не увидеть мне его лица, дабы я чрез то позабыть мог, что я его родил и он мой сын, а позабыв сие и не видя его позабыл бы и любовь родительскую к чадам и воздал бы ему достойное наказание за таковое его преступление. (Н I, 108).

Результирующий текст можно считать *буквальным* и в том случае, если по сравнению с исходным в нем употреблены вариативные формы слов и подверглось изменениям членение на предложения.[15] Подобные буквальные заимствования из «Доброго намерения» также присутствуют

[13] Там же. С. 117–118.

[14] *Warda A.* Op. cit. P. 83.

[15] В сборнике Новикова невозможно отделить нарушения последнего рода, допущенные им самим, от типографских, которые, по всей видимости, также вносились в немалом числе.

в рассказах Новикова лишь в виде фрагментарных вкраплений в массивах текстов, подвергшихся трансформации.

Всяк жребием своим доволен быть должен / Перевел с аглинского С<тудент> М. Пермской	*О дервише Гараме и о турчанине, недовольном своим состоянием*
Он с удовольствием сперьва осматривал мое жилище, которое хотя не было великолепное, однако чистое; потом взор свой обратил на меня и смотрел с удивлением, видя, что я будучи беден, кажуся во всем достаточным. Но как он был одет в пустынническое платье, то я по обыкновению и любви моей к сим странникам, принял ево к себе с великою радостию и внутренною сердца моего чувствительностию. Как скоро он несколько чашек кофе сидя у меня выпил, так начал спрашивать меня о разных вещах. (ДН. Июль. С. 332).	Он со удовольствием сперьва осматривал мое жилище, которое хотя не было великолепное, однако чистое; по том взор свой обратил на меня и смотрел со удивлением, видя что я будучи беден кажуся во всем достаточным: но как он был одет в пустынническое платье, то я, по обыкновению и любви моей к сим странникам, принял ево к себе с великою радостию и внутреннею сердца моего чувствительностию. Как скоро он несколько чашек кофе сидя у меня выпил, так начал спрашивать меня о разных вещах. (Н I, 100).

Дословным предлагается считать воспроизведение, в котором сохранена лексика исходного текста и последовательность предложений, но допущены некоторые из следующих отклонений: перестановка слов, пропуск отдельных слов, частей предложения, фраз и предложений при сохранении связного изложения и смысла, употребление вариативных форм (в сочетании с другими отклонениями), изменение грамматической формы или грамматической категории слова, иное членение предложений (в сочетании с другими отклонениями). Подобные заимствования у Новикова также фрагментарны.

Сон	*Похождение Ивана гостиного сына*
Он смотрел долго на меня с сожалительным видом, а потом приказал мне идти за собою <...> (ДН. Март. С. 114).	Он смотря на меня долго, приказал итти за собою <...> (Н I, 28).
После сего велел он мне обратить свой взор на другую страну, где я увидел иное пространное и прекрасное поле, населенное малым числом обывателей, и для гор, лежащих вокруг его, почти неприступное, на конце которого стоял	После сего велел он мне взор свой обратить на другую страну, где увидел я иное пространное и прекрасное поле, населенное малым числом обывателей, и для гор лежащих вокруг его неприступное, на конце ево стоял великолепной дом.

великолепной дом. Сия страна, сказал он, находится под властию *Добродетели*, в которой жители, хотя и всегда в трудах упражняются; однако с радостию и спокойством духа собирают плоды оных. (Там же. С. 117).	Сия страна, сказал он, находится под властию добродетели, в которой жители хотя и во всегдашних трудах, однако с радостию и спокойствием духа собирают плоды оных. (Там же. С. 31).
Но сии трудности нимало меня не устрашали: я бежал наперед моего предводителя; и чем уже становилась дорога, тем скорее старался я по ней итти. (Там же. С. 118).	<...> но сии трудности ни мало меня не устрашили; я бежал наперед моего предводителя, и чем уже становилась дорога, тем скоряе я по ней итти старался. (Там же. С. 32).

Если пропуски в результирующем тексте сколь-либо значительны, то целесообразно квалифицировать его как *дословный с купюрами.* Пропуски могут быть как приемом сознательной переработки оригинала, так и следствием невнимательности или типичной ошибкой переписывания (набора).

Лице его было бледно и сухощаво; он имел широкую и окладистую до пояса бороду; одет был в епанчу с широкими рукавами; подпоясан веревкою и был бос. В одной руке держал он из осины выдолбленное блюдо, а в другой бич, которым себя идучи по дороге, часто бил. Он назывался *воздержанием,* и мне советовал итти за собою; учил меня простоте нравов и умеренности; а между тем уверял, что к храму *Добродетели* нет ближайшия дороги, как через его келию. (Там же. С. 119).	<...> лице его бледно и сухощаво: он имел широкую и окладистую до пояса бороду, называющейся воздержанием; он мне советовал итти за собою, учил меня простоте нравов и умеренности, а между тем уверял, что к храму добродетели нет ближайшия дороги как чрез его келию <...> (Там же. С. 33).

Если ограничить понятия *буквальный* и *дословный* предложенными рамками, то все изменения, за них выходящие, следует отнести к трансформациям текста, производимым из каких-то идеологических, художественных и прочих соображений. Что касается Новикова, то, перерабатывая заимствуемые из «Доброго намерения» произведения, он преследовал обычную для плагиаторов и компиляторов цель — внести достаточное число разнообразных изменений, которые, не затрагивая основное содержание, сделали бы его текст непохожим на исходный (или, во всяком случае, от него как-то отличающимся) и позволили бы ему претендовать на авторство. Этого результата он добивался использованием не очень богатого арсенала трансформирующих (маскировочных) приемов, кото-

рые заслуживают описания и систематизации, что предварительно уже выполнено и со временем будет опубликовано.

Установив четкие границы употребления понятий *буквальный* и *дословный*, возвратимся к четырем фацециям, выделенным как таковые польскими исследовательницами. Ни один из этих рассказов Новикова не отвечает сформулированным выше критериям, что наглядно демонстрирует следующая таблица:

Количество слов	Рассказы							
	О портном		О дураке		О мужике		О женщине	
	П	Н	П	Н	П	Н	П	Н
Общее	149	172	257	188	134	164	164	252
Без местоимений, предлогов, союзов (союзных слов), частиц	85	102	135	104	66	98	87	135
Совпадающих	58	56	44	25	19	22	31	32
Уравненное число совпадающих	48		24		14		27	

Все лексические параметры: сопоставленные в первой горизонтальной графе неравные объемы рукописных фацеций (П) и соответствующих рассказов Новикова (Н) при разнице, доходящей до 50–70% («О дураке» и «О женщине»); неодинаковое количество в них опорных слов, несущих главную нагрузку по передаче содержания (вторая горизонтальная графа); различающееся число совпадений, подсчитанных как по всем употреблениям каждого из этих слов (третья графа), так и по меньшему для каждого из них показателю (четвертая графа),[16] — говорят о том, что тексты Новикова существенно отличаются от их предполагаемых оригиналов и что дословные совпадения могут ожидаться, как и при заимствованиях из «Доброго намерения», лишь на уровне фрагментов, которые, в совокупности с одинаковым развитием сюжетов (что обычно для произведений этих малых жанров), и создали у польских исследовательниц впечатление «почти буквального» следования автором-компилятором своему рукописному источнику. В рассказе «О женщине, усыпающей своих детей», почти дословно повторено нравоучительное четверостишие, которым в сборнике Погодина заканчивается фацеция «О пьяной бабе»:

На что волка в клете держать
И напрасно на него корм терять,

<...> на что волка в клети держать и напрасно на него корм те-

[16] Если в рассказе Новикова какое-либо совпадающее слово употреблено чаще или реже, чем в фацеции (например, в рассказе о портном существительное «платье» в соотношении 1 : 6, а в рассказе о шуте слова «дурак», «дурачество», «дурачий», «дураческий», «*дурачески*» — 3 : 15), это *является признаком того, что в соответствующих местах была* применена какая-то трансформация. Подсчет в подобных случаях по меньшему для обоих текстов числу употреблений (в приведенных примерах 1 и 3) дает более близкую к истинной картину совпадений.

Лутче с него кожу содрать,
И не будет боле овец красть.
(Погодин 1777, л. 125 об.).

рять, лутче кожу содрать, то не будет он овец пожирать. (Н II, 96).

Отчетливо сквозь всю трансформацию, состоящую в изменении деталей и в амплификации, проглядывает субстрат рукописной фацеции «О портном» в начальных строках рассказа «О дворянине и о портном, сшившем ему платье»:

Дворянин призвал портнова и спросил, много ли мне надобно сукна на пару платья. Он ему сказал, что десять аршин. Дворянину показалося много: Отослал ево прочь, призвал другова портнова и спросил, сколко надобно. Тот ему сказал, что девять аршин с половиною. (Погодин 1777, л. 89 об.).[17]

Дворянин, живущий наездом в одном городе, **призвавши портнова спросил: много ли** аршин **надобно** ему **сукна на** полную **пару платья? он ему сказал, что** непременно надлежит употребить восемь **аршин. Дворянину показалось** очень **много,** а сего ради и отказал ему, **и призвавши другова** такой же дал вопрос; но тот по сущей справедливости сказал, что довольно будет шести **с половиною аршин.** (Н II, 75–76).

Оба приведенных фрагмента подтверждают с абсолютной несомненностью использование Новиковым анекдотов и фацеций в редакции погодинского и ему подобных сборников, хотя рукопись, которой он располагал, могла быть иного, чем они, состава. В остальном указанные четыре рассказа представляют, в сравнении с этими их оригиналами, последовательное и точное изложение сюжета в свободной манере и со многими изменениями, которые было бы поспешно и неправильно приписывать самому Новикову без максимально полного изучения истории текста как на русском, так обязательно и на западноевропейских языках (польском, французском, немецком), служивших проводниками в Россию подобной литературы. В самом деле, можно ли быть уверенным, что, например, уменьшение количества требуемого портными сукна с десяти и девяти с половиною аршин до соответственно восьми и шести с половиною не было Новикову подсказано другим текстом той же фацеции?

Рассмотрим эту проблему на примере рассказа «О шуте, бывшем у персидского шаха», сопоставив его с фацецией из погодинского сборника, польской фацецией на тот же сюжет, наиболее распространенной редакцией анекдота на французском языке о шуте короля арагонского, неаполитанского и сицилийского Альфонса V Великодушного и ее немецким переводом.

[17] Фацеция дважды публиковалась: *Malek E.* О некоторых источниках «Похождений Ивана гостиного сына»... С. 117–118; Указатель сюжетов. Т. 1. С. 92.

О шуте, бывшем у персидского шаха

У персидского шаха был шут, которого называли дураком; но он то дурачество присматривал за вельможами и знатными двора служителями, и что кто зделает записывал в свою книгу и при веселом времени читывал своему государю, и хотя за то многие на него и серживались, однако как он верен государю и им за то любим, то и досады их оставались втуне. В одно время шах, давши бывшему у него во услужении арапу, которой взят был на войне у турок, десять тысяч червонных, приказал ехать в Аравию и купить хороших тамошней породы лошадей. Дурак, сие проведав, записал в ту ж книгу и своего государя и во обыкновенное время объявил пред собранием. Шах на него сперва весьма осердился, но напоследок, знавши его остроумные замыслы и шутки, спросил, по какому случаю он поместил с прочими и своего благодетеля имя. Он ему небоязненно отвечал: «Для того, ваше величество, что вы так легкомысленно поступили, поверя чужеземцу такое знатное сокровище, и ежели арап возвратится сюда с лошадьми, то я вас оттуда вычерню, а он останется там, а когда не приедет, то ваше величество будете там присутствовать с прочими остроумными людьми». (Н II, 96–97).

О дураке

Король имел при дворе своем дурака и которой всегда записывал в дураческую книгу, ежели кто ис придворных что смешное молвит или что дурачески зделает. И к тому еще от себя прикладывал шутливыя слагательства, чему король веселился и для забавы читал ево дурачью книгу. Той же король имел при дворе своем одного арапа, которого он зело любил. И, уверя того арапа, дал ему десять тысяч червонных и послал ево во Арапию, чтоб на те денги добрых лошадей купил и привел х королю. Той помянутой дурак и оное записал в дурачью книгу самого короля именно со всякою насмешкою, что король то зделал без рассуждения. И потом король для забавы повелел к себе принесть дурачью книгу, и как читал и нашол между протчими и свое имя в дурацком списке написано, зело гнева исполнился и велел дурака призвать к себе и рек: «Злы отроде, для чего так имя мое написано?» Дурак ответствует: «Я не мог того миновать, чтоб такое неосторожное дело не записать, что ваше величество учинили: такому чуженцу выдали такую сумму денег. Когда он сам не придет, то ваше величество денег и ево самово никак достать не можете». Тогда король сказал дураку: «А когда тот арап приедет, то что ты в ту пору станешь и делать и какой ответ мне дашь за твою мне насмешку и мое бесчестие?» Тогда дурак сказал: «Милостивы король, то в те поры и я имя твое из дураков вычерню, а ево имя вместо твоего напишу, что он так самоволно такое сокровище у себя потерял».

Всяк дурачеству смеется,
А оно, право, никого не минется

(Погодин 1777, л. 41 об.–42 об.).[18]

[18] Фацеция дважды публиковалась: *Malek E.* «Неполезное чтение» в России XVII—XVIII веков. Warszawa; Łódź, 1992. С. 107–108; Опыт указателя сюжетов. С. 168–169.

Czasem błaznowie mądrzy, a mędrcy błaznowie

Nie masz człeka tak mądrego, który by nigdy nic nie uczynił głupego, skąd mówią: *Nemo mortalium omnibus horit sapit.* Przeciwnym obyczajem nie masz tego błazna tak głupiego, który by też kiedy nie począł sobie dobrze abo do rzeczy czego nie powiedział.

Byl tedy jeden trefniczek u zacnego któregoś w Polszcze pana, który chcąc to pokazać, iż i mądrzy błądzą, a błądzą grubo, uczynił sobie regestr, w który sprawy niemądre tych, których za mędrców miano, spisował. Wiedział o tym pan jego i co dzień go rad pytał, kto i z chym przybył do regestru. Gdy zaś dnia jednego poważniejsze sprawy odprawiwszy, a mianowicie tegoż dnia Węgrzyna do Węgier po wina i po konie wyprawiwszy, każe do siebie zawołać trefniczka, chcąc się po onej pracej nieco urekreować, wedle zwyczaju pyta go, jeśliby kto przybył do regestru jego. Odpowie, że: «Dawnom gościa tak zacnego na mym regestrze nie miał». Gdy go pan tym chciwiej pytał, on dlugo go trzymawszy na rzeczy, gdy co raz pan wiedzieć chciał, kto by to byl taki, powiedział, że «Waść mściwy pan i dobrodzej».

Pocznie się pan rachować z sobą i nic, co by tak głupie uczynił, wspomnieć nie mogąc, pyta go, co by on w nim upatrzył godnego regestru tego. Powiedział: «To, iżeś Węgrzyna do Węgier z tak wielką sumą pieniędzy wyprawił». Pan mówi: «Pamiętaj, błaźnie, że się na tym omylisz, co myślisz, aby mię Węgrzyn zdradził, bo ja tuszę nie tylko, że mi się stawi, ale i dobrze sprawi; zaczem obaczysz, ż nic po mnie w tym regestrze było i musisz to zmazać». Powie trefniczek: «Jeśli to tak będzie, tedy ja waszą miłość zmażę, a na to miejsce Węgrzyna napiszę.[19]

Plaisanterie du bouffon du roi de Naples

Alphonse, roi de Naples, avait en sa Cour un bouffon, qui mettait en écrit dans un livre toutes les folies des gentilshommes et des seigneurs qui hantaient la Cour de son temps. Il advint donc que le roi Alphonse ayant un More en sa maison, l'envoya au pays de Levant avec dix mille ducats, pour acheter des chevaux, ce que le bouffon ajouta en son livre, comme l'estimant une pure folie. Quelque jours après, le roi demanda au bouffon à voir son livre, parce qu'il y avait assez de temps qu'il ne l'avait vu. En lisant dedans, il trouva à la fin d'icelui son histoire, celle du More et des dix mille ducats, dont le roi, courroucé, demanda au fol pourquoi il l'avait mis dans son livre? Parce que (dit le bouffon) vous avez fait une folie d'avoir donné vos deniers à un étranger, que vous ne verrez jamais. Et s'il revient (dit le roi) et amène des chevaux, quelle folie est-ce à moi? Le bouffon dit: Lorsqu'il sera revenu j'effacerai votre nom du livre, et y mettrai le sien, car alors il sera plus fol que vous de retourner avec l'argent.[20]

---

[19] Dawna facecja polska (XVI—XVIII w.) / Opracowali J. Krzyżanowski i K. Żukowska-Billip. Warszawa, 1960. S. 227–228. Фацеция взята из рукописного сборника, датируемого 1650 г. Перевод латинского изречения Плиния Старшего: Никто из смертных не бывает всякий час благоразумен.

[20] Facétie du fol du roy Alphonse // Norrozet 1556. Fol. 104r–105v; Corrozet 1560. P. 163–164; Favoral. P. 139–141; Tresor 1625. P. 212; Tresor 1638. P. 262–263; Gaillardise du fol du mesme prince // Garon 1652. P. 95–97 (Centurie I. № 97); Response du fou d'Alphonse roy

Thorheit

Es hatte Konig Alphonsus an seinen Hof einen Schalcksnarren, der alle narrische Bossen, wie nehmlich er sie auffs wenigste dafür hielt, welche die Herren und Edelleut, so den Hof besuchten begiengen, in ein Buch zusammen schriebe Es begab sich aber, daß der Konig ein Morisken oder Mauritaner, der er am Hof hatte, mit zehentausend Ducaten, Pferd darumb zuerhandlen, nach Orient schickte Der Narr schrieb diese That in sein Buch, als die da wurdig were, solche unter andere narrische Sache zusetzen Eliche Tag hernach, begehrte der Konig solches Buch zubesuchtigen, weil er den Narren lange Zeit nicht gesehen hatte Als er nur darinnen lase, fand er auff die letzt die Historie von ihme und dem Mohren daruber er dann zornig ward, und den Narren fragte Warumb er ihn in sein Buch geschrieben hatte? Darumb, antwortete der Narr, daß ihr eine sehr grosse Thorheit begangen habt, in dem ihr ewer Gelt einem Frembden gegeben, der ihr nimmermehr wider sehen werdet Wann er aber widerkompt, replicirte der Konig, und die Pferd mitbringet, werde ich dann thorecht gethan haben? Ey wann er wird wider kommen, sprach der Schalcksnarr, so will ich ewren Namen widerumb im Buch außleschen, und den seinigen dafür hinein schreiben Dann er so dann ein grosserer Narr, als ihr, seyn wird Fast ein gleichförmiges Exempel wird von dem Ertzbischoff Alphonso Carillo und seinem Diener erzehlet [21]

Польская фацеция, представляющая свободное во всех отношениях с перенесением на отечественную почву изложение сюжета, безоговорочно исключается из круга возможных источников и оригиналов русских текстов, поскольку в них не присутствует ни одной из целого набора деталей, только в ней встречающихся и не имеющих в его вариантах на других языках ни параллелей, ни опоры для подобного переосмысления

Немецкая фацеция точно, кроме заглавия, следует неоднократно публиковавшемуся в XVII веке французскому тексту Л Гарона, и в этом заключается причина всех ее мелких несовпадений с французским же текстом «Рожера Бонтана», опиравшимся на сборник Фавораля Впрочем, от себя немецкий компилятор добавил одно предложение в конце, где указал еще один анекдот на такой же сюжет, действующим лицом которого были архиепископ толедский Карилло д'Акунха (ум 1482) и его слуга [22]

С учетом заключения В П Адриановой-Перетц о происхождении по-

---

d'Arragon, qui le surprit et toute la cour // Histoires 1673 P 550–556, Plaisanterie du bouffon du roi de Naples // Roger Bontemps 1708 T 1 P 27 (цитируется по этому изданию), Amusemens françois, ou Contes a rire = Trattenimenti italiani, overo Conti da ridere Venezia, 1752 T 1 P 70, 72 (параллельныи текст на итальянском языке), Contes a rire 1881 P 48

[21] Exilium melancholiae S 436–437

[22] Существовал еще один вариант этого анекдота «В один день шут сказал королю Франциску I, что у него имеется реестр дуракам, в число которых вписал он также имя императора Карла Пятого Король спросил у него, для чего бы он то сделал? для того, отвечал шут, что он, проходя через Францию, опасается, чтоб не быть задержану Но что ты тогда скажешь, примолвил король, если не только я пропущу, но и отдам ему те места, которые я ему отдать обещал? Знаете ли, отвечал шут, что я сделаю? Я вычерню из моей книги имя Карла Пятого и поставлю Ваше на его место» (*Семенов П* Товарищ разумный и замысловатый СПб , 1764 Ч 2 С 20–21)

годинского и ему аналогичных сборников оригиналом содержащейся в них фацеции «О дураке» мог служить именно этот немецкий текст — вероятно, какая-то из его перепечаток. Если так обстояло дело, то она является не переводом, а вольным пересказом.

Лексические совпадения рассказа Новикова с рукописной фацецией состоят из обязательных для данного сюжета слов (дурак; дурачество — дураческая, дурачья, дурачески; книга, записывать, арап, десять тысяч червонных, лошади и др.), которые не являются признаком текстуальной связи, поскольку могли в каждом из этих пересказов анекдота появиться как закономерные переводческие соответствия иноязычным оригиналам. Однако из этого «стандартного» ряда выпадают типично русский оборот «что кто сделает» (в фацеции: «ежели кто ис придворных что смешное молвит или что дурачески зделает») и неожиданный глагол «приедет», который вряд ли мог возникнуть независимо у двух лиц в качестве привычного соответствия французскому «revenir» или немецкому «wiederkommen». Эти два неординарные совпадения подтверждают, что Новиков был на самом деле знаком с фацецией «О дураке» и держал ее перед собою, когда работал над своим рассказом «О шуте, бывшем у персидского шаха». Вместе с тем в тексте, вышедшем из-под его пера, есть особенности, дающие основание предполагать, что она была не единственным вариантом анекдота, находившимся в его поле зрения.

Компилятор погодинского сборника передал дважды фигурирующий глагол «wiederkommen» сказуемыми «придет» и «приедет», Новиков употребил в первом случае «возвратится», что является точным переводом и французского, и немецкого глаголов. Разумеется, это очень естественное и подходящее для описываемой ситуации слово могло быть подобрано без влияния или подсказки какого-либо иностранного текста; однако в равной мере возможно, что здесь имел место перевод. Если бы этот гипотетический и по отношению ко всему объему рассказа незначительный след иностранного языка был единичным, никакого вывода — ни уверенно положительного, ни категорически отрицательного — сделать было бы нельзя; но в тексте Новикова есть еще один мелкий фрагмент, где проглядывает иностранная основа. В рукописной фацеции «дурак» заносит в свою книгу глупые поступки и речи «*придворных*», шут персидского шаха «присматривал за *вельможами и знатными двора служителями*» (курсив мой.— *В. Р.*), что прямо соответствует и французскому «...des gentilshommes et des seigneurs qui hantaient la Cour...», и немецкому «die Herren und Edelleut, so den Hof besuchten...» — с обычною для Новикова перестановкою слов. Такое совпадение в отличие от предыдущего не могло возникнуть случайно, так что факт обращения Новикова к иноязычному тексту рассказа об Альфонсе V и его шуте можно считать установленным.

Вместе с тем вполне вероятно, что компилируя (теперь это можно сказать с полной определенностью) рассказ «О шуте, бывшем у персидского шаха», Новиков привлек еще один «бродячий» анекдот на тот же сюжет, печатавшийся под заглавием «Смелый ответ секретаря своему хозяину» («Repartie hardie d'un secrétaire à son maître»).[23] Здесь речь шла

о некоем государе («un prince souverain»), доверившем шайке проходимцев, выдавших себя за алхимиков, две тысячи экю на покупку химикалий, с помощью которых они обещали превращать металл в золото. По их отъезде секретарь занес этот поступок в книгу, где вел летопись «всех глупостей, совершавшихся в городе». Как и Альфонс V, государь знакомится с этой записью и задает секретарю те же вопросы, на которые получает такие же ответы. Однако происходит это в несколько иной обстановке. Ни французский и немецкий тексты, ни соответственно русская фацеция не содержат ни малейшего намека на то, чтобы при чтении королем книги и его разговоре с шутом присутствовали какие-нибудь лица. Между тем в анекдоте о государе, обманутом лже-алхимиками, секретарь ведет книгу не только для того, чтобы забавлять своего господина, большого любителя посмеяться, но когда к тому «съезжалась какая-нибудь компания, он доставлял себе удовольствие позабавить таким образом общество» («quand il arrivoit quelque compagnie, il prenoit plaisir à divertir le monde par ce moyen-là»). Запись о совершенной им самим глупости попадается государю на глаза, когда он, желая развлечь очередных гостей, велит секретарю принести книгу и открывает в ней последний заполненный лист; соответственно при них же совершается и обмен вопросами и ответами. Сходная ситуация в рассказе Новикова: шут, «проведав» о «дурачестве» шаха, «записал в ту же книгу и своего государя *и во обыкновенное время объявил пред собранием*» (курсив мой.— *В. Р.*). «Обыкновенное время» — это уже домысел самого Новикова, как и перенесение места действия в Персию, «досады» придворных, не смевших дать им выход, верность шута шаху, пленение арапа «на войне у турок».

Таким образом, рассказ «О шуте, бывшем у персидского шаха», представляет собою компиляцию, в которой сочетаются элементы трех текстов на один и тот же сюжет. Творческий процесс Новикова при работе с произведениями рукописной литературы отнюдь не сводился к их пересказу своими словами и со своими изменениями, но включал сравнение и оценку их печатных вариантов (версий, редакций, параллелей) с выбором между ними, а также их контаминацию, чему в двух томах «Похождения Ивана гостиного сына» находится немало уже обоснованных или ждущих подтверждения примеров.

Если, как можно предполагать, Новиков имел рукописный сборник, тождественный или близкий по составу погодинскому, он должен был читать рассказ «О министерском сыне»,[24] но тот же сюжет был ему известен по кн. 6, гл. 40 «О науках расад, сыгр, тылсым и протч.» труда Д. Кантемира «Кнїга сvстїма или состоянїе мухаммеданскїя релїгїи» (СПб., 1722). Предпочтение было отдано этой авторитетной (для Новикова) печатной книге, откуда он и взял текст, несколько его сократив, произведя в одном месте перестановку и — главное — обновив архаический язык молдавского господаря.

---

[23] Ouville. Contes 1651. Pt. 1. P. 512–514; Ouville. L'élite 1669. Pt. 2. P. 430–432; Ouville. L'élite 1671. Pt. 2. P. 352–354; Contes à rire 1781. T. 3. P. 165–167.

[24] Рассказ опубликован в кн.: Указатель сюжетов. Т. 1. С. 343–344.

Д. Кантемир	*Новиков*
Именемъ наукъ назначаются, и иныя нѣкїя чародѣїныя, волшебныя, жребїевражбїтственныя, обавателныя, провѣщателныя, или гадателныя, связателныя, и протчїя хїтрости, отъ нїхъ же нѣкїя невозбранены суть Мухаммеданомъ, нѣкїя же не позволены, и закономъ Курановымъ запрещены, и мерзостны суть. Позволенныя убо суть РАСАДЪ, РЕМЕЛЬ, СЫГРЪ, ТЫЛСЫМЪ, ОКУМАКЪ, возбраненныя же ФАЛЪ, ДЖЯЗУЛЫКЪ, БУГИ, ГЇОЗБАЇДЖЇЛЫКЪ и ДААВАЙ ШЕЯТЫНЪ. Убо и о сїхъ всѣхъ въ кратцѣ изрекши, конецъ сего тщетнаго труда сотворимъ.	У Магометан между прочими есть по Куранову закону позволителныя волшебныя гадателныя и прорицателныя связывающия и разрешающия четыре науки, расад, ремель, сыгр и тылсым, из которых
РАСАДЪ своїственно знаменуетъ *Астрономїю чїслїтелную* <...> (С. 369).	расад имянуют астрономиею *числительною,*
РЕМЕЛЬ, родъ есть жребїевражбїтства, и образъ гаданїя, или прорїцанїя чрезъ точки нѣкїя, и характїры, Греческои можетъ быть Геомантїи, ѕѣло подобная <...>	а ремель образ гадания или прорицания.
СЫГРЪ своїственно знаменуетъ волшебство, и сїю глаголютъ быти науку, извѣстными, и натуралными началы, и правїлами состоящуюся, ея же перваго изобрѣтателя, сказуютъ быти Царя Соломона, которою наукою можаше, не токмо жївотныхъ дїалекты разумѣти, но и вся въ образы, въ няже онъ хотяше, претворяти можаше. Тако глаголютъ, человѣкъ, сея хїтрости искусныи, всякого иного, въ осла: въ коня, въ столпъ каменныи, древянныи, и протч: можетъ претворїти, и паки, аще восхощетъ, въ первое можетъ возвратїти состоянїе. Сею хїтростїю можетъ сотворїтїся, да огнь, и дождь, блїстанїя, и громы снїдутъ, блїстаютъ, и гремятъ, и иная страшїлїща, и дївы нату-	Сыгр же и Тылсым свойственно знаменуется волшебство и третьей науки известными, и натуральными правилами доказывают первого изобретателя царя Соломона; сею то наукою будто мог он разуметь не только глагол животных, но и всех в образы в них же хотел претворял, здании с места на другое переносил, гром, молнию, дождь, и всякая страшилища представлял.

ралныя да проїзведутся. <...> (С. 371).

Сказуютъ, яко бысть нѣкїи Царь Персїдскїи, иже едїнаго точїю имѣяше сына, которого во всѣхъ свободныхъ художествахъ, и наукахъ обучїти тщашеся. И тако съ велїкїмъ иждївенїемъ, мужеи во всякои наукѣ ѕѣло искусныхъ, для наставленїя сына своего, отвсюду созвалъ, между которыми бысть едїнъ, которыи и науку РАСАДЪ и РЕМЕЛЬ [о неїже зри нїжше] въ совершенство знаяше. Царь убо повелѣлъ, да бы сынъ его отъ оного учїтеля, наукѣ РАСАДЪ наученъ былъ. И тако учїтель оныи чрезъ пять летъ трудїлся, и всѣ каноны, и правїла, яже самъ знаяше, сыну Царскому совершенно предаде. и Царскїи сынъ такъ твердо на память всѣ оные изучїлъ бяше, яко удобѣе ему было ихъ прочїтовати, неже кому лїбо иному повсядневныя молїтвы. Обаче учїтель, усмотряше юношу, ѕѣло глупаго быти разума, и ни къ чему годнаго разсужденїя, ибо изданныхъ, призволеныхъ, требованныхъ, известныхъ, свѣдомыхъ, и явныхъ предложенїи, нїкоеже заключенїе, и нїкоеже извѣстное, и прїстоїное можаше положїти окончанїе.[25] По пятолѣтномъ убо, всепрїлѣжномъ трудѣ, Царь вопросїлъ учїтеля, еда ли сынъ его изучїлъ науку РАСАДЪ глаголемую? отвеща учїтель, О Царю, сынъ твои вся во правду отъ мене ему преданная изучїлъ, обаче самъ нїчтоже знаетъ: Царь первѣе удївїлся, потомъ гнѣвомъ на учїтеля воспалївся: Како рече, вся изучїлъ, и глаголеши яко самъ нїчесоже знаетъ? Отвѣща учїтель глаголя: аще угодно будетъ твоему

Оным всем и другим наукам, некто из Персидских царей, имевшей у себя одного сына, обучить старался, к чему с великим иждивением мужей искусных отвсюду созвал, между которыми был один знающий все оныя вещи в совершенстве. Царь приказал, чтоб сын ево тому научен был, и хотя тот учитель чрез долгое время трудился и все правила, кои сам знал, царевичу преподавал, но он прочитывал их наизусть, как в Алькоране утренния молитвы; но никакова от себя заключения делать не мог.

По прошествии пяти лет царь спросил учителя, что сын ево изучил ли хотя первую науку в совершенстве? Учитель ему отвечал, что хотя он, сколько сам знает, давал полезныя и понятныя наставлении, но он ничего не понял. Царь во-первых весьма удивился, а по том гневом на учителя наполнился, что всему учен, а ничего не знает. Учитель ему представлял, что то самая истинна; прикажите царевича позвать и я только тремя словами докажу,

[25] Глосса на полях: Опїсанїе.

Царскому Велїчеству, прїзови предъ себе сына твоего, и азъ тремя словами изъявлю, что онъ якоже рѣхъ, отъ мене преданная вся изучїлъ, обаче отъ себе не знаетъ чтолїбо. Прїзвану убо бывшу сыну Цареву, учїтель просїтъ Царя, да изволїтъ положа перстень въ горсти своеи держати, и сына своего вопросїти. Что въ горсти руки своея сокровенно имѣетъ? Чесому бывшу, сынъ Царевъ по наукѣ преданныхъ заповѣдеи, и правїлъ художества, обрѣте, яко отецъ его, в руцѣ своеи, заключенно держїтъ нѣчто круглое и дїру имущее. Сие егда онъ обрѣте, учїтель рече: се О Царю, доселѣ хїтрость, еи же азъ учихъ его протязается, остася от своего си разсужденїя нѣчто заключїти. Чесоради, паки вопроси его, оное круглое, и дїру имущое, что можетъ быти? О чемъ отъ отца своего вопрошенъ бывъ, долго во умѣ своемъ мятяшеся, таже отрыгнулъ глаголя, нїчтоже иное можетъ быть о отче, развѣ камень мелнїчныи. Тогда учїтель рече, сїе есть проїзведенїе отъ ума сына твоего, которыи по хїтрости убо, юже отъ мене получїлъ, обрѣте вещь быти круглую, и дїру имущую, удївїтелныя же ради разума, и разсужденїя скудости, не могъ разсудїти, яко камень мелнїчныи въ горсти руки укрытїся не можетъ. (С. 370–371).

что моя наука была в совершенстве подавана; но у него к окончанию ее в голове нет. Призван был царевич и учитель просил царя, чтоб изволил в руке своей держать зажатой перстень. Спрошен был царев сын

по науке преданных заповедей и правил таинства. Он и отвечал, что в руке царевой круглое и диру имущее: тогда учитель сказал: вот, Царю, хитрость, ей же его учил, остается в своей силе, но спросите теперь его разума, что он вам скажет, а на то он и отвечал, что конечно камень жерновой. Тут царь и познал глупость сына своего и более не стал обучать сих сокровенных наук. (Н II, 98–100).

Ответом сына кончается фацеция в погодинском сборнике, Новиков продолжает свою «повесть» и, следуя Кантемиру, переходит к науке тылсым, иллюстрируя ее действие двумя примерами из той же главы — рассказом о медном столпе, оберегавшем Константинополь от нашествия змей, и о стоявшем там же над городскими воротами мраморном истукане, которому по совету волхва была отсечена голова, что вызвало смерть осаждавшего столицу Византии болгарского князя Симеона, а с нею и прекращение боевых действий. Эти занимательные «волшебные» истории в какой-то мере, вероятно, подкрепили решение Новикова взять за основу не рукописную фацецию, а главу из «Книги сvстема», подстроч-

ная ссылка на которую должна была, очевидно, дать читателю знать, что ему предлагают не пустые «сказки», а сведения из заслуживающего доверия сочинения.

Труд Кантемира был Новиковым прочитан, кажется, очень внимательно от корки до корки. В разделе, называемом «Пророчества, о нападенїи Дедждїала» (Кн. 3. Апокалїпсіса мухаммеданскаго Часть вторая. О дївахъ или знаменїяхъ конецъ міра предваряющїхъ. Вторыи членъ), он нашел символическое имя для главной «злодейки» своего романа «Приключение принца Беграгама и принцессы Фатьмы». Княгиня Катане (Новиков пишет: Катанѣ), бывшая «в препроводившее на свете время экстрактом всех злостей и причиною сожаления достойных смятений» (Н II, 175), носит имя женщины, которая, согласно мусульманским верованиям в передаче Кантемира, произвела на свет искусителя людей, чье явление им состоится перед концом света: «Мухаммедъ нѣкогда съ Омеромъ, едїнымъ отъ четырехъ наслѣднїковъ его, въ нѣкую весь входящи, рече Омеру, вѣси ли ты, яко въ селѣ семъ есть мужъ нѣкїи именемъ КАТАНЪ, и жена именемъ КАТАНЕ, из нїх же проклятыи ДЕДЖДЖѢАЛЪ проїзыти иматъ», который «первѣе в странахъ Хорасанскїхъ явїтся».[26] Примечательно, что новиковская Катане называет себя дочерью «одного богатого Хорасанского дворянина» (Н II, 176) и владеет «увеселительным» замком и лесом «близ Хорасана» (там же. С. 119), а события происходят в «Хорасайском государстве» (там же. С. 118) — здесь возможна или опечатка, или простейший маскировочный прием, использованный единожды и тут же забытый. Еще два имени для своих персонажей Новиков заимствовал из тридцатой главы четвертой книги, где Кантемир пересказал известную ему восточную версию романа об Александре Македонском: хорасанский государь стал тезкою сопровождавшего великого полководца «главнѣїшаго вожда, БЕГРАМІГІУРЪ зовомаго», «непреодолѣемои храбрости вїтязя», а главный герой, «одного обладателя полуденной части света, имянем Нарбонасара, наследной крон принц Беграгам» (Н II, 117) зовется почти так же, как упоминаемый там же воин Беграм.[27]

Вопрос о выборе опорного текста и его контаминации с другими стоял, по всей видимости, перед Новиковым и тогда, когда он приступил к рассказу «О бароне, жившем недалеко от Парижа, и его супруге», который, по классификации А. Варды, относится к числу «сильно отличающихся от прототипов и связанных с ними лишь общими сюжетными мотивами».[28] В рукописном сборнике он имел новеллу «О бароне»,[29] оригинал которой был на немецком языке, о чем говорит трижды повторен-

---

[26] *Кантемир Д.* Книга сvстїма... СПб., 1722. С. 68–69. В современных справочниках на русском языке имя мусульманского антихриста передается: Даджжал (см.: Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 346).

[27] *Кантемир Д.* Указ. соч. С. 129–130. К заимствованию имени, нередкому приему в низовой литературе, Новиков прибег еще по крайней мере один раз, назвав Астутою надзирательницу за двумя девицами, завлекшими Ивана гостиного сына в свои сети (Н I, 19–20). Это имя он нашел в новелле «Приключения некоторого чужестранца в Париже» (ДН. Декабрь. С. 557–559) на сюжет «Декамерона» (II, 5).

[28] *Warda A.* Op. cit. S. 85.

[29] Новелла опубликована в кн.: Указатель сюжетов. Т. 1. С. 93–94.

ное слово «шлос» (нем. Schloß), вытесненившее первоначально употребленное «замок». Сюжет («Нет») хорошо известен в фольклоре разных народов (AT 853 A, CYC 1418 A) и получил распространение в литературных обработках (TM K 1331).[30] В той, которую пересказал компилятор погодинских «Примеров и жарт», повествуется о том, что по приказанию своего ревнивого мужа, уехавшего по делам в Париж, молодая и красивая баронесса отвечает на все вопросы проезжего дворянина: «Нет, мой господин»,— а тот, ловко их подбирая, исполняет, к обоюдному удовольствию, все свои нескромные желания; в Париже он случайно останавливается в том же трактире, что и барон, в чьем присутствии за обедом рассказывает об этом забавном приключении.

Текстуальная связь рассказа Новикова с этой новеллой отчетливее всего проявляется в начальных строках:

Един барон, человек молодой, женился и понял себе девицу молодую и зело прекрасную. И она была ласкова обхождению со всеми людми. (Погодин 1777, л. 64).	Недалеко от Парижа, изобилующего в Европе всеми забавами и роскошью пред прочими городами, жил **барон, человек молодой** и достаточной, **понявший себе** в супругу **девицу,** равного себе звания и достоинства, **весьма прекрасную** и ни с кем прежде его побочной любви не имеющую. За все ея достоинства барон любил, а равно и она отвечала своею горячностию; и как она была веселого нрава, а потому **со всеми людьми** имела **ласковое** и приятное **обхождение**... (Н II, 53).

Исходный текст подвергся настолько большой амплификации, что раздробился на мелкие фрагменты, рассыпанные внутри добавленных фраз, значительно превышающих его по своему объему. Далее, придерживаясь основной сюжетной канвы, Новиков продолжает ее насыщать своими деталями и мотивировками. Так, в рукописной новелле наставление барона жене, «чтоб она с посторонними людми ласково не обходилась и слов приятных не производила, а особливо без него никаких речей с кавалерами молодыми не говорила и ни с какими б мужчинами в разговоры не вступала», объясняется прямолинейно тем, что он «зело был ревнив», и столь же бесхитростна ответная просьба его супруги: «даите мне регул вопрошать» (Погодин 1777, л. 64). Новиков смещает психологическую коллизию, вводя дополнительные подробности и характеристики. «Непорочное дружество», проявляемое баронессою по отношению к другим людям, становится ее мужу «несколько в тягость» по причине его «угрюмости», а недоверие и сомнение

[30] К сожалению, автор статьи не имел возможности познакомиться со специальной монографической работой об этом сюжете. *Nyrop K* Nej et motivs historie København, 1891

возникают на почве собственного богатого опыта в амурных делах; иной оказывается и реакция жены на запрещение беседовать с мужчинами: «...хотя он и надеялся на добродетель своей баронессы, что к повреждению его достоинства ничего худого быть не может; однако как он, с молодых лет искусившись в любви, знал, что страсть сия есть различного свойства, по различию земель и народов, и французы весьма живы, проворны, к обманам склонны, женолюбивы, и в любви переменчивы, так что, получа от одной взаимную благосклонность и удовольствие, скоро пренебрегает и другую сыскать старается; но всегда предпочитает красавицу, хотя и неразумную; а как баронесса была не из последних прелестниц, то барон в одно время сказал ей, чтоб она с посторонними людьми, особливо с модными щеголями и вертопрахами, обходилась поскромнее; она, имея самые цветущие лета и что окроме его никем другим занята не была, то, рассмеявшись, поставила сие в шутку» (Н II, 53–54). Пересказывая сюжет в подобной манере, с изменениями деталей и положений,[31] Новиков доходит до приезда любовника в Париж, и здесь опять дает о себе знать исходный текст, что свидетельствует о том, что он все время находился перед глазами компилятора:

И как он приехал в Париж, и стал в тот же трактир, где барон стоит <...> тот дворянин стал всем седящим сказывать о том шлосе, и о той жене, и о своем счастии, не зная того, что муж ея тут сидит... (Погодин 1777, л. 65).	Приехавши в Париж, стал нечаянно в тот трактир, где имел пребывание и барон <...> Рассказчик не знал, что той госпожи, у которой целую неделю наслаждался запрещенною забавою, тут же сидит ближний сродник... (Н II, 57).

После этого тексты резко расходятся. Опорный — исчерпан: он заканчивается на том, что незадачливый муж, «слыша такое нечаянное дело, от великого сам себе стыда не мог за столом усидеть, выскочил, аки неистовой, закричал своим лакеям, чтоб седлали лошадей, и в тот же час уехал вон ис Парижа, чему все седящие такой нечаянной причине смеялись и дивились» (Погодин 1777, л. 65 об.). Новиковский герой проявляет выдержку — и повествование продолжается по сюжету «любовное приключение, рассказанное как сон» (AT 1364. III; TM J 1155; Tubach 5287).

[31] В рукописной новелле не объясняется цель поездки барона в Париж, в рассказе Новикова он отправляется «во угождение своей красавицы, для покупки новомодных вещей, или какая и собственная нужда позывала ехать» (Н II, 54). В новелле барон один раз произносит запрет, в рассказе повторяет его перед отъездом, а баронесса принимает это опять с хохотом и на первый же вопрос проезжего отвечает «с усмешкою», так что все дальнейшее между ним и ею разворачивается как шутка. В новелле приключение начинается с вопроса проезжего дворянина о том, какая из двух дорог, проходящих мимо замка, ведет в Париж; в рассказе он просит пустить его на ночлег ввиду приближения ночи. В новелле он покидает замок сразу после того, как «исполнил, что желал» («И паки встал, и пошел, и сел на свою лошадь, и поехал».— Погодин 1777, л. 65), в рассказе он проводит у баронессы целую неделю, она же, «хотя и ожидала скорого возвращения своего супруга, но гостя не очень весело провожала» и «при приятном расставании <...> просила гостя, чтоб он и впредь не оставлял ее своим посещением, а он за угощение воссылал искреннейшую благодарность» (Н II, 57).

Барон приглашает всех, с кем обедал в трактире, к себе в замок и туда же собирает родственников жены, намереваясь в их присутствии разоблачить жену и получить основание для развода. Видя, что соблазнитель ее не узнает, хозяйка бросает в его кубок подаренный ей от него перстень; по этому знаку офицер понимает, у кого находится в гостях, и, повторяя по просьбе барона свою забавную историю, приводит доказательства того, что в день, когда она случилась, был в другом месте: «...из армии я поехал 1 августа, 2 был в дороге, и на 3 ночевал в Сент Роале, расстоянием отсюда в пяти милях, а 4 числа приехал в Париж, как то и пашпорт мой доказывает, которой в точное уверение и показал и от коего вся правда открылась и баронессу вывело из подозрения, потому что воин, приехавши в баронов замок, оставя себе верховую лошадь, повозку отпустил в Париж, где пашпорт сходно с словами его у городских ворот и записан...» (Н II, 59). Предъявив собравшимся и перстень, который, по собственному рассказу, подарил даме, он завершает свой рассказ ключевыми для сюжета словами: «...конечно, я в то время был околдован или мечта воображение в моих членах имела» (там же).

Объединение двух фольклорно-литературных сюжетов не было творческой находкой самого Новикова. Он его обнаружил, по-видимому, в каком-то сборнике фацеций и анекдотов в виде новеллы, восходившей к «Лучшим рассказам» или «Рассказам в часы безделья» французского писателя Антуана Ле Метела д'Увиля (1590?–1656?), где она была напечатана под заглавием «Об одной молодой особе, недавно вышедшей замуж» («D'une jeune demoiselle nouvellement mariée»).[32] В том же или, может быть, другом подобном сборнике прочел ее, видимо почти в одно время с Новиковым и П. М. Карабанов, чье стихотворное переложение[33] увидело свет в тот же год, что и вторая часть «Похождения Ивана гостиного сына», где содержался анализируемый рассказ. Других русских версий этой комбинации сюжетов неизвестно,[34] так что источник Новикова был, вероятно, иностранным — судя по некоторым приведенным выше цитатам, французским, с которым он обращался так же вольно, как до этого с рукописным, не переводя его фразу за фразою, а свободно пересказывая с подобными же изменениями и дополнениями. Некоторые из последних: начальные строки, в которых восхваляется Париж, рассуждение о поведении французов в любви (см. выше) — производят впечатление отрывков из какого-то беллетристического сочинения, и такое же подо-

[32] Эта новелла встретилась в следующих из просмотренных сборников: Récréations françoises. Pt. 1. P. 162–163; Ouville. L'élite 1699. Pt. 1. P. 30–39; Ouville. L'élite 1703. Pt. 1. P. 37–48; Contes à rire 1781. T. 1. P. 80–85.

[33] [*Карабанов П. М.*]. Нет: Сказка // Лекарство от скуки и забот. 1786. № 3. 15 июля. С. 41–47; перепечатано в кн.: Стихотворная сказка (новелла) XVIII—начала XIX века / Вступ. ст. А. Н. Соколова; подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова. Л., 1969. С. 244–247.

[34] Записанная А. Н. Афанасьевым сказка «Нет» (см.: Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым, 1857–1862 / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и др. М., 1997. С. 61–63) развивает только первый сюжет. По всей видимости, она является скабрезным пересказом первой части все той же новеллы д'Увиля, о чем говорят две важные детали: проезжий — офицер (то же можно понять из контекста в новелле), и молодую барыню он застает гуляющей в саду.

зрение внушает подробный расчет пути, представляемый офицером в доказательство того, что все им рассказанное в действительности не происходило. Эти вставки, посторонние для обоих сюжетов, плохо в них вписываются, растягивают повествование, отдаляя момент остроумной выдумки офицера и тем самым ослабляя эффект ее неожиданности. Для мотивировки запрета достаточно лишь упоминания о богатом любовном опыте барона; предъявление «пашпорта» (речь, видимо, идет о подорожной) со всеми предшествовавшими объяснениями о датах пути, а также демонстрация перстня снимают с баронессы подозрение до того, как произносится тот главный «аргумент», который в забавной новелле д'Увиля выступает ее кульминацией и заключительной фразой, а здесь становится маловыразительным «привеском» к предшествующим доказательствам, теряя свою исконную выразительность еще и потому, что на нем повествование, вопреки законам жанра, не обрывается, но переходит в добавленную компилятором концовку, чужеродную для данного сюжета. Упав на охоте с лошади, барон разбивается насмерть, оставя жену «всего своего имения законною наследницею», а она «не умедлила послать с письмом к тому полюбовнику, по приезде которого учинила другую свадьбу; он же, отъезжая куда и на долгое время, не запрещал ей обходиться ласково со всеми и говорить „что изволите", а не так что „нет, мой государь" или „нет, мой господин"» (Н II, 60–61). Было ли такое завершение всего случившегося придумано самим Новиковым или подсказано ему (кроме, разумеется, безусловно ему принадлежащей фразы о снятии запрета на беседы с мужчинами) каким-то литературным образцом, выяснится, если будет известен полный круг рукописных и печатных сочинений, использованных при компиляции сборника «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки». Оставляя по необходимости решение этого вопроса на будущее, сейчас, тем не менее, можно с большой определенностью утверждать, что, работая над рассказом «О бароне, жившем недалеко от Парижа, и его супруге», Новиков опирался не только на рукописную фацецию «О бароне» и новеллу д'Увиля (или какую-то ее обработку?), но обращался и к другому произведению или даже нескольким, откуда сделал несколько малоискусных вставок.

Подобными же компиляторскими приемами с похожими просчетами, создававшими всевозможные неувязки, был скомпонован с привлечением разных опорных текстов рассказ «О персидском шахе Али Бее и о любимце его, помрачившем добрые дела свои прелестьми одной женщины». Сюжет знаменит в мировой литературе шекспировской «мрачной» комедией «Мера за меру», а в русской — пушкинской поэмой «Анджело». В XVI–XVII веках он был известен в нескольких вариантах, будучи связываем с разными историческими лицами и вымышленными литературными персонажами,[35] в XVIII веке преимущественное распространение

[35] См.: *Budd F. E.* Material for a study of the sources of Shakespeare's «Measure for Measure» // Revue de littérature comparée. 1931. T. 11. № 4. P. 711–736; Narrative and dramatic sources of Shakespeare / Ed. by G. Bullough. London; New York, 1958. Vol. 2. P. 397–530; *Shakespeare W.* Measure for Measure / Ed. by J. W. Lever. London; Cambridge (Mass.), 1965. P. XXXV–XLIV, 151–200 (The Arden Edition of the Works of Shakespeare).

получил в изложении английского писателя и журналиста Ричарда Стиля, составившего № 491 (от 23 сентября 1712) издававшегося им совместно с Джозефом Аддисоном ежедневного сатирико-нравоучительного листка «Зритель» («The Spectator») Этот очерк, в котором был пересказан вариант, опубликованный в 1605 году гуманистом, филологом Юстием Липсием,[36] переводился на французский, немецкий и другие европейские языки, в том числе и на русский, в годы, предшествовавшие выходу «Похождения Ивана гостиного сына».[37] Новиков мог его знать либо на русском, либо на иностранном языке и взять его сюжетную канву для своего рассказа. Правда, никаких прямых текстуальных соответствий между историей Клодия Ринсольта, назначенного за свою честность и верность наместником провинции Зеландии, и «повестью» об оказавшемся в таком же положении любимце персидского шаха, носящем по выбору компилятора звонкое историческое и литературное имя Баязет, не обнаруживается; различия очень велики и повсеместны. Тем не менее связь между ними вполне вероятна· только в варианте Стиля жертвою домогательств и обмана со стороны правителя выступает жена богатого купца, так же и Баязет «весьма распалился запрещенною любовию» к замеченной им среди «великого множества» наблюдавших его проезд по улицам жене «одного богатого и по всему городу почтенного купца» (Н I, 153). Совпадение такого рода могло возникнуть, однако, и случайно, так как, склонный выбирать своих персонажей из купеческой среды, что неоднократно проявляется в сборнике, Новиков мог отнести оклеветанного и казненного мужа к этому состоянию по собственному разумению, не ориентируясь ни на какой литературный прецедент. Если принять эту на первый взгляд правдоподобную гипотезу, встает вопрос о том, с каким из других существующих вариантов сюжета он был знаком и почему ни с одним его рассказ не имеет никаких общих специфических, индивидуальных деталей Поиски выхода из этого тупика возвращают обратно к очерку Стиля, тем более что в XVIII веке он был наиболее часто публикуемой и, следовательно, самой доступной версией сюжета (о других сведений для этого времени не собрано).

В дополнение к приведенным аргументам следует обратить внимание на одну фразу в рассказе Новикова, допускающую, кажется, видеть в ней сильно трансформированное отражение слов, которыми Ринсольт провожает обманутую им женщину. «На другой день, — пишет Стиль, — по утру пошла несчастная Сафира к губернатору и предалась на его произволение Ринсолт хвалил ее прелести, ласкал себя иметь с нею впредь свободное обхождение и сказал ей с веселым видом, чтоб взяла она мужа

---

[36] *Lipsius J* Monita et exempla politica libri duo, qui virtutes et vitia principum spectant Antverpiæ, 1605 P 125–127 (Lib II, Cap IX, § 7)

[37] Описание печального приключения, случившегося во владение Карла Отважного, герцога Бургундского / Пер с фр П П[астуховым] // Праздное время в пользу употребленное 1760 [Ч 4] 9 сент С 170–175 Библиографические сведения о русских переводах этого очерка в XVIII в см *Левин Ю Д* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века Прилож Материалы к библиографии статей из английских журналов в русских переводах XVIII в // Левин Ю Д Восприятие английской литературы в России Исследования и материалы Л , 1990 (по указателю к статье)

своего из темницы. „Но, — сказал, — не надобно тебе печалиться, естьли приму я меры дабы впредь не было помешательства к нашему свиданию". Сии последние слова предсказывали ей ту печальную судьбину ее мужа, которую нашла она исполненну по приказанию губернаторскому, когда пришла она в темницу».[38] У Новикова сюжет лишается своего центрального, узлового, присутствующего во всех версиях эпизода: жена арестованного и приговоренного к смерти купца не обращается к правителю с просьбою о помиловании, а соответственно не получает от него гнусного предложения и не жертвует своей честью ради спасения мужа. Со своей стороны, Баязет рассчитывает, казнив мужа и устранив тем самым главную помеху своим вожделениям, добиться со временем их удовлетворения: «По приезде из Испагани купца в дом, по оговору некоторых плутов, взят был в суд и посажен в тюрму, а чрез несколько дней скончал невинно жизнь свою на эшафоте, уповая тем овдовевшую преклонить на свою сторону[39] и восторжествовать над прелестными ее красотами» (Н I, 156). И в очерке из «Зрителя», и в рассказе Новикова казнь совершается с одинаковым заранее составленным намерением — и это является основанием считать второй зависимым от первого, так как издававшаяся только на английском языке (впервые — в 1581 году) новелла одного из предшественников Шекспира писателя Томаса Лаптона (Lupton), где жестокое вероломство получает такое же объяснение, русскому компилятору не могла быть известна, а в других вариантах сюжета подобная мотивировка отсутствует, хотя в некоторых имеется мотив желания продолжить встречи с обманутой просительницей. Например, в новелле Чинтио, стоящей у истоков широкого распространения этого сюжета, наместник Джуристе предполагает, что «сможет обладать этой девушкой так, словно она уже была его женой и словно он вернул ей брата живым»; но эта надежда рождается у него уже после доклада тюремщика о том, что Эпития «не проявила никаких признаков неудовольствия при виде столь ужасного зрелища»,[40] а сам коварный его поступок такого замысла под собою не имел.

В некоторых деталях угадываются следы каких-то иных литературных произведений, находившихся в поле зрения Новикова. К ним относится, например, пришедшая распаленному порочной страстью губернатору мысль, «чтоб по утру рано послать к мужу той красавицы и под видом нужного государственного дела заслать в дальной город, а потому чтоб он к нему тот же час явился; но сказано, что поехал с караваном в Испагань» (Н I, 154), тогдашнюю столицу Персии. Пользуясь удобным моментом, «помешанной умом седой любовник» является в его дом и домогается желаемого, а получив решительный отпор, «засылал многих с великими дарами и письмами о принятии его в число первого по муже солюбовника» (Н I, 156). В похожей ситуации находятся персонажи третьей новеллы «Гептамерона» Маргариты Наваррской. Неаполитанский король Альфонс V (о котором уже шла речь в связи с рассказом о шуте

[38] Праздное время, в пользу употребленное 1760 [Ч 4] 9 сент С 173–174
[39] Языковая небрежность Новикова
[40] Итальянская новелла Возрождения / Сост А Эфроса М , 1957 С 508–509

и реестре дураков), «известный своим распутством», пленяется молодой дамою, примеченной им при посещении ее дома во время карнавала, и надеется на ее благосклонность. «Чтобы удостовериться, что это действительно так, он дал ее мужу какое-то поручение в Рим и услал его туда недели на три. Едва только он уехал, жена, у которой еще свежа была память о нем, стала о нем тосковать. Видя это, король принялся утешать ее, обращаясь к ней с ласковыми речами и поднося ей бесчисленные подарки».[41] Весь дальнейший ход событий в новелле, где король легко добивается победы, но муж в отмщение делает его самого рогоносцем, и в рассказе о Баязете, которому ничем не удалось сломить сопротивление добродетельной женщины, расходится по своим сюжетным линиям, не имеющим никаких точек соприкосновения. Заимствованным оказывается, таким образом, лишь один эпизод, что, впрочем, в компиляторской практике Новикова было, как видно из разобранных выше примеров, обычным приемом. Сам «Гептамерон» в полном объеме Новиков определенно не читал, но две новеллы были ему известны в русских переводах, напечатанных в «Добром намерении»,[42] из которых одну он включил оттуда в свой сборник (Ч. 1, № 13 «О кривом и изменившей жене его»). Новелла о любовном похождении Альфонса V и мести обманутого мужа дошла до него другим путем. В свое время она была включена с сохранением присвоенного ей в печатных изданиях «Гептамерона» заглавия в «Лучшие рассказы» д'Увиля,[43] откуда перешла в другие сборники забавных рассказов и анекдотов,[44] в одном из которых, по всей вероятности, и привлекла внимание Новикова.

Какими-то историческими, а может быть, и литературными ассоциациями и реминисценциями, отложившимися при чтении, видимо, печатных изданий, которые предстоит установить, был обусловлен выбор имени Баязет для сластолюбивого наместника и Али Бей — для его властителя, осуществляющего, по сюжету, высшую справедливость, персидского шаха, вымышленного компилятором в замещение герцога Бургундского. Существовал и был хорошо известен рассказ Фенелона «Histoire d'Alibée, Persan».[45] В некоторых его переизданиях имя героя печаталось «Alibég»и в этом написании перешло в русские переводы,[46] но в переделке П. Летур-

---

[41] *Маргарита Наваррская.* Гептамерон / Пер. с фр. А. М. Шадрина, ст. и примеч. З. В. Гуковской. Л., 1967. С. 24.

[42] Великодушие, оказанное королем Франциском графу Гильому, которой хотел его умертвить: [«Гептамерон» II, 17] // Доброе намерение. 1764. Июль. С. 321–325; Выдумка одной женщины, которая сыскала способ уйти своему любовнику, когда муж ее, будучи крив, думал ее с ним найти вместе: [«Гептамерон» I, 6] // Там же. С. 326–328.

[43] D'un Roy de Naples abusant de la femme d'un Gentilhomme porte enfin lui-même les cornes // Ouville. L'élite 1699. Pt. 1. P. 461–470. Первое издание сборника: Paris, 1641. T. 1–2; входила ли в него эта новелла, а если не входила, то когда была включена, мне не известно, за отсутствием возможности познакомиться de visu со всеми изданиями сборника.

[44] Например: Contes à rire 1781. T. 3. P. 128–133.

[45] Впервые: *Fénelon F.* Dialogues des morts anciens et modernes, avec quelques fables, composé pour l'éducation d'un prince. Paris, 1718. T. 2. P. 211–223.

[46] Повесть о Алибеге Персианине // Фенелон Ф. Новые разговоры мертвых, также Повести и басни, сочиненные для воспитания молодого государя. СПб., 1768. Ч. 2. С. 297–304; [*Фенелон Ф.*]. История Алибега Персидского. СПб., 1780.

нера была употреблена форма «Алибей».[47] Новиков пишет имя шаха раздельно или через дефис, второй элемент — с заглавной буквы, и это верный признак того, что ни рассказ Фенелона, ни обработка Летурнера, даже если он их читал в подлиннике или переводе, не служили ему в данном случае источником. Значение слова «бей», встречавшегося в литературе многократно и получившего на русском языке объяснение,[48] он должен был понимать; однако весьма сомнительно, чтобы он знал, что этот титул носила одна из древних династий персидских правителей; и очень вероятно, что свое имя в рассказе шах получил от мамелюка Али-Бея, поднявшегося от раба до правителя Египта, провозгласившего в 1769 году независимость от Турции и убитого в 1773 году. Эти события освещались в газетах, так что, работая над своим рассказом, Новиков мог вспомнить мелькавшее там имя, а тот факт, что ономастический прототип был турком, в то время как получающий его имя герой предполагался персом, не мог никоим образом его смутить.

Наконец, оставляют впечатление заимствованных откуда-то вставок два фрагмента, объясняющие внезапную перемену в поведении Баязета вмешательством потусторонних сил зла, не упускающих воспользоваться человеческой слабостью. После проезда по городу, во время которого заметил он жену купца, «вкрался в него любовной пламень, так что при начале другого дни или увидеть ту полюбившуюся ему красоту и достать в свои объятии, или перестать жить. А как виновный враг человеческого рода, которой по ремеслу своему, ничего не пропуская, старается распалять слабые наши телесные чувствии, то он, и в сие дело вмешавшись, советовал губернатору, чтоб по утру рано послать к мужу той красавицы...» (Н I, 153–154). И в тот момент, когда обуреваемый страстью наместник получает от женщины решительный отказ, искуситель спешит его толкнуть на неправедный путь: «Тут-то дьявол садится в черную свою колесницу, запряженную двумя драконами, кои по воздуху скоро рассекают густую мрачность, водворяется в губернаторский дом и сердце, ибо он в самом деле уверен был, что будет управлять его душою. Это было его добро; окаянный ведал о скрытном зле, владевшем им; он знал и о предбудущем, а потому сей древний змий потихоньку его наущал и воспалял за сию толь отважную дерзость и непослушание с сопротивлением или мужу, или жене отмщение учинить смертию» (там же. С. 155–156). Убийство, замышляемое в отмщение за проявляемую нравственную стойкость и неудовлетворенную похоть, плохо согласуется с появляющейся в следующем же предложении другой его мотивировкой, согласно которой арест купца и вынесение ему смертного приговора имели целью избавиться от него как от соперника, владеющего сердцем преследуемой женщины. Чужеродные по отношению

[47] Алибей: Восточная повесть // Санктпетербургский вестник. 1778. Ч. 1. Июнь. С. 448–455 (перепечатано в кн.: [*Арндт Б. Ф.*]. Трязычная книга... СПб., 1779. С. 61–71); Цена верности // Детское чтение, или Отборные небольшие повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель. СПб., 1779. С. 18–19.

[48] Беи или бег // Статьи из Энциклопедии, принадлежащие к Турции. СПб., 1769. Т. 1. С. 151–152.

к сюжету, который ни в одном из своих вариантов не приобретал религиозно-поучительной окраски, эти два фрагмента выглядят посторонними и в контексте всего сборника, где персонажи, особенно в «повестях» авантюрно-плутовского жанра, совершают множество неблаговидных поступков, но все по собственной воле, без наущения или подстрекательства дьявола. Поэтому сомнительно (хотя не невозможно), чтобы эти фразы принадлежали самому Новикову и выражали его собственное понимание того, как произошел резкий переворот в душе и что толкнуло на преступление бывшего «министра, превосходящего разумом всех придворных, правдолюбивого, во обхождениях ко всем ласкового, приятного и <...> в воинских и гражданских советах полезного и наивернейшего, коим весь народ был доволен» (там же. С. 152). Более вероятно, что здесь возымела первенство специфическая творческая логика компилятора, диктующая при каждом удобном и подходящем случае использовать вырванные из прочитанного отрывки, не особенно заботясь о внутренних смысловых и художественных связях создаваемого на такой основе текста. Красивая риторика и впечатляющий образ властелина преисподней, несущегося на колеснице в «густой мрачности», привлекли внимание Новикова в каком-то из прошедших через его руки произведений, и он нашел применение этим фрагментам там, где они как-то подошли по содержанию и где их позволял использовать жанр (в шутливом или сатирическом рассказе подобные мотивировки вряд ли были бы уместны). Впрочем, это пока остается лишь предположением; окончательный вывод сейчас еще невозможен.

Итак, сплошь и рядом в «повестях и сказках» Новикова встречаются фрагменты, ситуации, мотивы, сюжеты и другие элементы содержания и композиции, находящие прямые соответствия, аналогии, подобия и параллели в произведениях западноевропейской литературы, которые он мог читать лишь на иностранном языке по причине отсутствия в то время их русских переводов, и печатных, и рукописных. Вместе с тем наличие на русском языке в печатном или рукописном обращении произведения, с которым тот или иной рассказ, «принадлежащий к „Похождению Ивана гостиного сына“», имеет общий сюжет или мотивы, не исключает того, что параллельно с русским текстом Новиков знал также иностранный или даже что ему был известен и послужил основою только последний. Использование русского текста, подтверждаемое неоспоримо лексическими и фразовыми совпадениями, могло сочетаться с равноправным вовлечением в компиляцию иностранного источника. Получившиеся таким образом контаминации осложнялись употреблением маскировочных приемов трансформации заимствуемого текста и активным, повсеместным *творческим* вмешательством Новикова на всех уровнях — от изменения лексики и перестройки фразы до различных дополнений и вставок, а также сюжетных новаций. Осуществлявшаяся им переработка, подчас очень глубокая и многослойная, в одних случаях распознаваема, как например в начальных строках рассказа «О женившемся помещике и о тороватой

жене»,[49] там же в увещевании тестем зятя,[50] но часто не может быть с уверенностью выделена. Распутывание этих сложных переплетений, как показал анализ нескольких рассказов, очень трудоемко и может быть доведено до конца, т е до установления конкретного источника и степени его *авторской* переработки, лишь при владении максимально полной информацией о распространении мотивов, сюжетов и других «бродячих» компонентов повествования, дошедших теми или иными путями до Новикова Материалом для последующих исследований в этом направлении послужат, можно надеяться, и публикуемые ниже пока еще отрывочные и не поддающиеся систематизации сведения, которые удалось собрать к настоящему моменту

Ч. 1. № 12. ***О деревенском мужике, давшем талер для размену обезьяне.*** Э Малек не нашла на русском языке ни одной параллели этому рассказу[51] Она имеется на французском в третьей книге знаменитого романа Шарля Сореля[52] и еще более близкая — в немецком сборнике забавных рассказов[53]

Ч. 2. № 2. ***О крестьянине Странжиле.*** По мнению Э Малэк, Новиков, перерабатывая «Повесть об Аквитане», сам «в связи со стремлением усилить плутовскую природу Странжила расширяет количество испытаний, выпавших на его долю < > например, заставляет своего героя „изрезать и роздать по установленному закону“ не только индейского петуха, но и семь рябчиков»[54] Между тем эти сюжеты, из которых второй существовал в России в виде стихотворной фацеции о дележе пяти яиц,[55] объединены в одиннадцатой книге того же романа Сореля,[56] где педант Гортензиус демонстрирует «правильность своей счетной системы», деля четырех молодых голубей между собою и двумя подшутившими над ним дворянами, а затем Франсион рассказывает, как еще раньше он же разделил между обедающими фазана по традиционной для этого сюжета схеме Следовательно, нельзя исключать вероятности того, что Новиков нашел в какой-то книге оба сюжета так же соседствующими

---

[49] «Другой такой же дворянин, или помещик, не знаю, только ведаю то, что сим именем двоякое разумеется название, много видим таких дворян, которые за собою ни однои души людей и лоскута земли не имеют, а помещик великое дело он владеет деревнями, а в них повелевает хотя мужиками, но такими ж, как и он, христианскими душами, умалчивая о рогатой скотине и животине, о гусях и других мелких птицах» (Н II, 108)

[50] « любезный сын, не сердись на меня, что я тебе скажу справедливые четыре русские пословицы первая, *каков пан таков и храм*, другая, *каков поп таков и приход*, третия, *каково дерево таковы бывают отрасли и плод*, четвертая, *как де кого кликнешь так и откликнется*, не все, брат, перенять, что по речке плывет, тужить не о чем, пролитое полным не бывает, я сам с молоду неспускалого десятку, любил девок, не оставлял молодых баб, не пренебрегал же и старухами Что делать? век пережить, не поле перейтить » (Н II, 112–113)

[51] Указатель сюжетов Т 1 С 71–72

[52] *Sorel Ch* La vraie histoire comique de Francion / Nouv ed , avec avant-propos et notes par E Colombey Paris, 1909 P 114–115, ср *Сорель Ш* Правдивое и комическое жизнеописание Франсиона М , 1990 С 137–138

[53] Das wohlbekleidete Apotheker-Sohngen // Kurtzweilige Historicus S 85–86

[54] *Малэк* Э Источники и литературная история «Повести об Аквитане» С 106

[55] Указатель сюжетов Т 1 С 98–99

[56] *Sorel Ch* Op cit P 462–463, ср *Сорель Ш* Указ соч С 504

Ч. 2. № 7. ***О Сципионе, римском полководце, поступившем правосудно при осаде города Афин.*** Исторической основой этой небольшой «повести» является рассказ Тита Ливия об отказе римского полководца Марка Фурия Камилла, осаждавшего в 394 году до н. э. столицу древнеиталийского народа фалисков город Фалерии, воспользоваться предательством учителя, который привел к нему в заложники своих учеников, детей знатных граждан (Ab urbe condita V, 27, 1–10).[57] Извлеченный из труда римского историка, эпизод вошел в сборники анекдотов и памятных деяний, откуда переводился по крайней мере дважды на русский язык.[58] Ни с одним из переводов рассказ Новикова не имеет прямых текстуальных совпадений, однако у него общая с рукописным вариантом, но отсутствующая в печатном, мотивировка предательства боязнью учителя за свое имущество. Приписывание одного и того же поступка разным историческим лицам и вымышленным персонажам — обычное явление в анекдотической литературе. В данном случае Новиков, кажется, единственный назвал героем этого великодушного и благородного акта Сципиона, перенеся к тому же действие в Грецию и подвергнув учителя сожжению, — способу казни, греками не применявшемуся. Какой ход мысли и ассоциаций привел к столь грубому нарушению исторической правды, непонятно. Ни один из сколь-либо известных представителей знаменитого рода Сципионов не участвовал во взятии Афин (146 г. до н. э.), тем более не был главным героем этого события. В войне с фалисками участвовал, на важных, но не первых ролях, военный трибун Публий Корнелий Сципион; для того чтобы это знать, Новиков должен был читать Тита Ливия, чему в его сборнике нет никаких признаков, но если даже он и был знаком с этим фундаментальным трудом по римской истории, все равно остается необъяснимым, как бегло упоминаемое в нескольких местах лицо (Ab urbe condita V, 19, 2; 24, 1; 26, 2; 31, 8)[59] вытеснило много более значимый исторический персонаж, о чьих делах говорится пространно и подробно. Возможно, что в памяти Новикова контаминировались благородные поступки Камилла и Публия Корнелия Сципиона Африканского, вернувшего приведенную к нему по взятии Нового Карфагена красавицу-пленницу ее жениху, о чем также рассказано у Ливия (Ab urbe condita XXVI, 50)[60] и тоже перешло в сборники анекдотов и славных деяний.[61] Афины могли стать местом действия в результате аберрации памяти.

---

[57] *Тит Ливий.* История Рима от основания города. М., 1989. Т. 1. С. 256–257.

[58] № 192. О учителе // Примеры и жарты (Погодин 1777), л. 99 об.–100 об.; Le précepteur perfide // Pfeffel. Pt. 2. P. 116–118 (Liv. V, № 34); рус. пер.: Вероломный учитель // [Пфеффель Г. К.] Собрание разных забавных и веселых повестей, или Исторической магазин для разума и сердца / Пер. с фр. Н. Унковской. М., 1779. Ч. 2. С. 94–96. (Кн. V, № 34). На русском языке о предательстве учителя рассказывалось также в переводном труде: *Роллен Ш.* Римская история от создания Рима до битвы Актийския / С франц. пер. тщанием и трудами В. Тредиаковского. СПб., 1762. Т. 2. С. 214–215 (кн. VI, § III).

[59] *Тит Ливий.* Указ. соч. Т. 1. С. 249, 253, 255, 261.

[60] Там же. Т. 2. С. 271–272.

[61] Например: Grande retenue de Scipion l'Africain // *Choffin D.-E.* Amusemens philologiques; ou Mélange agréable de divers pièces... 2[d] éd., rev. et cor. Halle, 1757. T. 2. P. 195–197 (здесь же в статье «De Camille, général romain», кратко изложен эпизод с учителем — p. 404);

Ч. 2. № 11. ***О гречанине, занявшем в Станбуле у жида 5000 червонных.*** Сюжет, широко распространенный в фольклоре разных народов и в литературе, где он знаменит шекспировским «Венецианским купцом» (AT 890; TM J 1161.2; Rotunda J 1161.2; Tubach 3867),[62] представлен в виде короткого рассказа во множестве сборников фацеций, анекдотов, памятных деяний и пр.[63] В одном из них, без сомнения, и прочел его Новиков, а пересказывая, увеличил в десять раз сумму долга (во всех выявленных публикациях она, если называется, составляет 500 экю или дукатов).

Ч. 2. № 13. ***О деревенском мужике, шедшем к господину с оброчными деньгами, и о встретившем его драбанте.*** В этом рассказе «драбант», он же «прохожий солдат с заряженною фузеею и пистолетом», неожиданно в одном месте называется «рыцарем», что может быть признаком использования наряду с рукописной фацецией еще какого-то текста. Годом позже на русском языке был напечатан другой рассказ на тот же сюжет, не учтенный Э. Малэк в качестве параллели.[64]

Ч. 2. № 17. ***О купецком сыне и о обманувшей его девушке.*** Сюжет AT 1441*; TM K 1223; Rotunda K 1223, K 1843.3, K 1911.1.5. Соответствующий рассказ входил в сборники забавных историй и анекдотов.[65]

Ч. 2. № 26. ***О дворянине, женившемся на подобной невесте.*** Начало рассказа (до слов: «...чтоб я о том матушке поведала...» — Н II, 106)

Scipion Africain // Pfeffel. Pt. 1. P. 60–64 (Liv. I. № 44). На русском языке анекдот печатался в XVIII в. несколько раз: *Роллен Ш.* Римская история от создания Рима до битвы Актийския, то есть по окончание республики. СПб., 1763. Т. 5. С. 338–340 (кн. XVII, § III); Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять / Пер. с латин. яз. И. Алексеевым. СПб., 1772. Ч. 1. С. 390–391 (Кн. IV, гл. 3, § 1); Сципион Африканский // [Пфеффель Г. К.] Собрание разных забавных и веселых повестей. Ч. 1. С. 55–58.

[62] О сюжете см.: Narrative and dramatic sources of Shakespeare / Ed. by G. Bullough. London; New York, 1957. Vol. 1. P. 446–454; *Hannojst L.* Fleischpfand // Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Berlin; New York, 1984. Bd. 4. S. 1256–1262; *Schamschula E.* Das Fleischpfand: Mot. J 1161.2 in Volkserzählung und Literatur // Fabula. 1984. Bd. 25. H. 3/4. S. 277–295.

[63] Le jugement de sultan Soliman grand seigneur des turcs // Corrozet 1556. Fol. 62; Corrozet 1560. P. 100–101; Du juif qui pour sa debte veut une livre de la chair d'un chrestien // Sylvain A. Epitomes de cent histoires tragiques... Paris, 1581. Fol. 237ᵛ–238ʳ; Le jugement de sultan Soliman, grand seigneur des turcs // Favoral. P. 90–91; Tresor 1625. P. 27–28; Tresor 1638. P. 34–35; Jugement de sultan Soliman, empereur des turcs // Garon 1641. P. 52–53 (Centurie I. № 46); Garon 1652. P. 52–53; Judenzinß // Exilium melancholiae. S. 245; Jugement de Solyman, soldan d'Egypte, entre un chrestien défendeur et un juif demandeur // Histoires 1673. P. 353–355; Beau trait de prudence de sultan Soliman empereur des turcs // Roger Bontemps 1708. T. 2. P. 124; Roger Bontemps 1734. T. 2. P. 107–108; без загл. в кн.: Bibliothèque amusante et instructive, contenant des anecdotes intéressantes et des histoires curieuses tirées des meilleurs auteurs. Paris, 1753. P. 286–287. Во всех перечисленных выше французских сборниках, кроме А. Сильвена, в уплату причитается *две унции* плоти, лишь у А. Сильвена — *один фунт,* но у него занятая сумма равна 900 экю; в немецком сборнике — *четыре лота.* У Новикова — *один фунт*; следовательно, его источник был, по всей видимости, иной, что относится и к другим его рассказам, имеющим в этих книгах соответствия.

[64] Обманщик обманутый // Лекарство от скуки и забот. 1787. Ч. 2. № 46. 12 мая. С. 159. Ср.: Опыт указателя сюжетов. С. 105.

[65] Plaisant discours d'un ministre qui voulant jouyr d'une jeune damoiselle, se trouva couché auprès d'une vieille matrone // Reveille-matin. P. 321–329.

совпадает с часто встречающимся в сборниках смешных историй и анекдотов рассказом [66]

Ч. 2. № 27. ***О женившемся помещике и о тороватой жене.*** В сборниках фацеций и анекдотов рассказ на этот сюжет печатался в двух редакциях — пространной,[67] восходящей к собранию д'Увиля, которой соответствует и фацеция «О женихе и невесте» в погодинском сборнике, и рассказ Новикова, и краткой,[68] кончающейся предложением со стороны молодой супруги сочетать их незаконнорожденных детей браком, когда они придут в возраст Во всех выявленных западноевропейских публикациях как пространной, так и краткой редакций у молодого супруга оказывается прижитым до брака сын, а у его жены — дочь, в рукописной фацеции и в рассказе Новикова обратный расклад у мужа — дочь, у жены — сын Однако другими немаловажными деталями, о которых в погодинском сборнике не упоминается ни словом, текст Новикова совпадает именно с новеллой д'Увиля внебрачная дочь мужа «*содержится* на воспитании у *приятеля* его» (Н II, 109, курсив здесь и ниже мой — *В Р*, в новелле муж говорит о сыне «Je le *tiens* chez un de mes *amis*» [69]), сын жены, по ее признанию, «воспитывается моею верною *вскормленницею*» [70] (там же, в новелле « une petite fille qui est *en nourrice* » [71]) Знакомство Новикова с французским текстом подтверждается и лексическим совпадением в словах рассерженной матери, обращенных к дочери «В том ли быть откровенной, двуногая *скотина*, сия тайна должна быть запечатана на одной твоей груди до смерти» (там же С 111), в новелле «Comment, *bête* que tu es, dit la mere, n'as-tu point de honte de lui avoir dit cela?»,[72] в рукописной фацеции «Тогда мать с гневом рекла "Прямая ты дура"» (Погодин 1777, л 31)

Иностранные книги, содержащие тексты, которые могли служить Новикову оригиналами или составляют параллели его рассказам, образуют в совокупности пеструю картину, в которой усматривается лишь одна

---

[66] D'un fiance a sa fiancee // Recreations françoises Pt 1 P 138–139, Ouville L'elite 1699 Pt 1 P 21, Ouville L'elite 1703 Pt 1 P 23–24, La fiancee ingenue // Nouveaux contes 1709 P 112, D'un fiance a sa fiancee // Contes a rire 1781 T 1 P 73, La fiancee ingenue // Contes a rire 1881 P 250 Ср Указатель сюжетов Т 1 С 134

[67] Autre sur le mesme sujet [заглавие предыдущеи Naivete d'une jeune femme a son mari la premiere nuit de ses noces] // Recreations françoises Pt 1 P 119–126, Ouville L elite 1699 Pt 1 P 5–10, Ouville L'elite 1703 Pt 1 P 4–10, Ingenuite d'une femme a son mari la premiere nuit de ces noces // Nouveaux contes 1709 P 89–93, Autre sur le meme sujet // Contes a rire 1781 T 1 P 63–66, Ingenuite d'une femme a son mari la premiere nuit de ses noces // Contes a rire 1881 P 209–212 Ср Указатель сюжетов Т 1 С 288

[68] Gaillardise d'un fiance qui ne vouloit pas tromper la mariee // Garon 1641 P 326–327, Garon 1652 P 326–327, Eheleuth // Exilium melancholiae S 101–102, Des discours que tenoit un jeune fiance a sa fiancee, et de la reponse qu'elle luy fit // Reveille-matin P 64, Der ubel betrogene Brautigam // Kurtzweilige Historicus S 139–140 Параллель на русском языке Нескромное признание // Семенов П Товарищ разумный и замысловатый СПб , 1764 Ч 2 С 193–194

[69] Contes a rire 1781 T 1 P 64

[70] Здесь существительное «вскормленница» употреблено в значении «кормилица», не зарегистрированном лексикографами, которые указывают только «воспитанница, питомица» (см Словарь русского языка XVIII века Л , 1988 Вып 4 С 155)

[71] Contres a rire 1781 T 1 P 65

[72] Ibid P 66

закономерность, проявляющаяся в том, что несколько фацеций, анекдотов и новелл фигурируют в сборниках д'Увиля и от них зависевших собраниях подобного рода Эта картина похожа на ту, которая сложилась у А И Кирпичникова, когда он пытался установить источник «Присовокупления второго» в «Письмовнике» Н Г Курганова, и держалась до тех пор, пока в видимом беспорядочном конгломерате «кратких замысловатых повестей» не был нащупан четкий, последовательно выдержанный принцип их организации [73] Ни один из указанных выше в сносках сборников забавных историй и анекдотов не несет никаких специфических признаков, которые давали бы основание считать его источником рассказов Новикова, имеющих в нем сюжетные и текстуальные соответствия, некоторые определенно им не являлись [74] Но в том, что такие книги были, сомнений, кажется, не осталось, а опыт подобных разысканий подсказывает, что их не могло быть много В силу внешних обстоятельств их поиск был ограничен петербургскими библиотеками, где их найти не удалось, будем надеяться, что в этих ли богатейших книгохранилищах, или в каком-либо другом рано или поздно кому-нибудь повезет больше

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДН — Доброе намерение 1764 Январь–декабрь (Ссылки в тексте с указанием месяца и страницы)

Н — [*Новиков И В*] Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и скаски СПб, 1785–1786 Ч 1–2 (Ссылки в тексте с указанием части римской цифрой и страницы — арабской)

Опыт указателя сюжетов — *Malek E* Русская нарративная литература XVII–XVIII веков (Опыт указателя сюжетов) Łodź, 1996

СУС — Сравнительный указатель сюжетов Восточнославянская сказка / Сост Л Г Бараг и др Л, 1979

Указатель сюжетов — *Malek E* Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв Łodz, 2000 Т 1

AT — The types of the folktale A classification and bibliography A Aarne's Verzeichnis der Marchentypen / Tr and enl by S Thompson 2d ed Helsinki, 1964

Contes a rire 1781 — Contes a rire, ou Recreations françoises Nouv ed, corr et augm Lille, 1781 T 1–3 (В большей части (до Т 3 P 72) повторяет содержание и последовательность сборника «Recreations françoises»)

Contes a rire 1881 — Contes a rire et aventures plaisantes ou Recreations françaises Nouv ed, rev et corr, avec pref par A Chassant Paris, 1881

Corrozet 1556, 1560 — *Corrozet G* Les divers propos memorables des nobles et illustres hommes de la Chrestiente Paris, 1556, Lyon, 1560

Exilium melancholiae — [*Lehmann C*] Exilium melancholiae, Das ist Unlust Vertreiber Aufs Ludovici Garon Franzosischen Tractat Le Chasse Ennuy und andern guten Authorn colligirt Straßburg, 1669

---

[73] См *Рак В Д* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века СПб, 1998 С 97–115

[74] См сноску 63

Favoral — Favoral Les contes et discours facetieux, recueillis par le sieur Favoral, où sont plusieurs rencontres subtiles pour rire en toutes compagnies Paris, 1615

Garon 1641, 1652 — *Garon L.* Le chasse-ennuy ou Honneste entretien des bonnes compagnies Divise en cinq centuries Paris, 1641, Rouen, 1652

Histoires 1673 — Histoires plaisantes et ingenieuses Recueillies de plusieurs bons auteurs grecs, latins, espagnols et françois Paris, 1673

Kurtzweilige Historicus — Hilarius Sempiternus Der kurtzweilige Historicus Cosmopoli, 1731

Nouveaux contes 1709 — Nouveaux contes à rire, et aventures plaisantes de ce tems, ou Recreations françoises Nouv ed , augm et corr Cologne, 1709

Ouville Contes 1651 — *Ouville A d* Contes aux heures perdues Paris, 1651 Pt 1

Ouville L'elite 1669, 1671, 1699, 1703 — *Ouville A d'* L'elite des contes Paris, 1669 Pt 2, [S l], 1671 Pt 2, Augm en cette ed Rouen, 1699 Pt 1–2, La Haye, 1703 Pt 1–2

Pfeffel — [*Pfeffel G K*] Magasin historique pour l'esprit et le coeur Nouv ed Strasbourg, 1768 Pt 1–2

Recreations françoises — Les recreations françoises, ou Recueil de contes a rire, pour servir de divertissement aux melancholiques, et de joyeux entretien dans les cours, les cercles et les ruelles Paris, 1658 Pt 1–2 («Les Recreations françoises» представляли собою выборку из собрания *Ouville A d'* Contes aux heures perdues Paris, 1643 1 vol , Paris, 1644 T 1–4 (см *Cioranescu A* Bibliographie de la litterature française du dix-septieme siecle Paris, 1966 T 2 P 1260 № 42329, *Lever M* La fiction narrative en prose au XVIIème siècle Repertoire bibliographique du genre romanesque en France (1600–1700) Paris, 1976 P 360))

Reveille-matin — Le facecieux reveille-matin des esprits melancholiques, ou Remede preservatif contre les tristes Rouen, 1673

Roger Bontemps 1708, 1734 — Roger Bontemps en belle humeur Donnant aux tristes et aux affligez le moyen de chasser leurs ennuis, et aux joyeux le secret de vivre toûjours contens / Par M*** Cologne, 1708 T 1–2, Cologne, 1734 T 1–2

Rotunda — *Rotunda D P* Motif-index of the Italian novella in prose Bloomington, 1942

TM — *Thompson S* Motif-index of folk literature A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest books and local legends Rev and enl ed Copenhagen, 1955–1958 Vol 1–6

Tresor 1625, 1638 — Thresor des recreations, contenant histoires facetieuses et honnêtes Douay, 1625, Rouen, 1638

Tubach — *Tubach F C* Index exemplorum A handbook of medieval religious tales Helsinki, 1969